

АНТИИММИГРАНТСКОЕ ЕВРОСКЕПТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В ЭСТОНИИ: СРАВНЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ И ЭСТОНОЯЗЫЧНОЙ ОБЩИН

Сергей ТАМБИ
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье анализируется трансформация отношения русскоязычной и эстоноязычной общин Эстонии к приему беженцев с 1990х гг. вплоть до наших дней. Проводится сравнение отношения к иммигрантам различного происхождения (африканским, азиатским, украинским беженцам, а также приезжим из России) со стороны этнических эстонцев с восприятием их со стороны местных русскоязычных жителей. Рассматриваются причины негативного и позитивного отношения жителей Эстонии к иммигрантам. Отмечается наличие прямой связи между сегодняшним восприятием иммигрантов в Эстонии и историческим прошлым этой страны. В исследовании рассматривается резкое возрастание евроскептицизма в Эстонии после начала в 2015 г. Европейского миграционного кризиса, а также совместное неприятие властями страны и ее жителями квот по распределению беженцев. Помимо сходства в подходах двух крупнейших общин Эстонии по вопросу о беженцах, подчеркивается ряд существенных отличий в их восприятии. В заключении делается вывод о том, что «кризис беженцев» и антииммигрантское евроскептическое мировоззрение во многом объединило проживающих в Эстонии этнических русских и эстонцев перед лицом так называемой «общей угрозы». Также приводится обоснование тому, что нынешнее радушное и гостеприимное отношение этнических эстонцев к украинским беженцам в среднесрочной перспективе может смениться «усталостью» и апатией к ним.

Ключевые слова: евроскептицизм, Эстония, Европейский союз, евроинтеграция, русскоязычная община, эстоноязычная община, иммиграция, мигрантофобия, беженцы, Европейский миграционный кризис

Тамби Сергей Александрович – атташе, МИД России; соискатель ученой степени кандидата политических наук, МГИМО МИД России.
ORCID: 0000-0002-5018-6574. E-mail: sergey.tambi@gmail.com
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 23.11.2023

Принята к публикации: 22.12.2023

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Введение

В последние годы значительная часть населения «старой гвардии» Европейского союза с новой силой высказывает недовольство по отношению к иммигрантам. Невозможность разрешить вопрос распределения беженцев внутри ЕС не только является одной из причин зарождения евроскептицизма, но и выступает значимым фактором успеха евроскептиков. В некоторых странах-членах ЕС остроту приобрела иммиграционная проблема, в особенности неспособность разрешить вопрос распределения беженцев внутри ЕС. Беспомощность Брюсселя в сфере иммиграции выражается, например, в неспособности обеспечить надлежащий контроль и охрану внешней границы, невозможности успешной интеграции значительного количества беженцев в европейское общество; неспособности провести надлежащую работу с третьими странами – «поставщиками» мигрантов, чтобы предотвратить оттуда поток беженцев (т. е. заняться причинами проблемы, а не ее последствиями). «Слабость» ЕС выражается и в том, что Брюссель частично потерял контроль над внешней морской границей (Хришкевич, 2017: 36). Санкционированные вскоре после начала Европейского миграционного кризиса миллионные потоки мигрантов вызвали негодование большого числа европейцев. На успех евроскептиков оказывают влияние разные факторы, в том числе и миграционный (Мещеряков, 2019: 760). Среди европейских стран «старой гвардии» проблема иммиграции особенно сильно затронула ФРГ и Францию. В последней призыв прекратить иммиграционный поток стало одним из главных требований движения «желтых жилетов» (Теребов, 2020: 53).

После присоединения Эстонии к ЕС в 2004 г. поток эмигрантов настолько усилился, что возникла угроза депопуляции страны (в течение 25 лет независимости население страны сократилось примерно на 250 тыс. человек)¹. Иммигранты восполнили бы численность населения, но роль сыграла непривлекательность Эстонии, связанная с отсутствием государства всеобщего благосостояния по типу скандинавских стран. Проявилось и ожесточенное сопротивление *эстоноземельцев*², увидевших в иммигрантах экзистенциальную угрозу. Аргументы усилившихся за последние годы эстонских евроскептиков против членства Эстонии в ЕС во многом носят социально-экономический характер с ярко выраженным страхом перед иммиграцией, а также критикой политики мультикультурализма (Воротников, 2017: 136). Эстонские крайние националисты утверждают, что брак этнического эстон-

¹ Rahvastiku areng (2015). Rosenberg T. (toim.). Tallinn. Lk. 59. *Eesti Statistikaamet*. Available at: https://www.stat.ee/sites/default/files/2020-07/Rahvastiku_areng.pdf (accessed 20 February 2020). (In Estonian).

² *Эстоноземельцы* – собирательный общепотребительный термин, означающий всех населяющих Эстонскую Республику постоянных жителей вне зависимости от их гражданства, национальной и религиозной принадлежности – эстонцев, русских, белорусов, украинцев и др.

ца с представителем другого этноса *«не должен быть разрешен на территории Эстонии»*, а беженцы, согласно их риторике, вообще не могут проживать в стране ни на временной, ни на постоянной основе³.

Целью настоящего исследования является рассмотрение трансформации отношения русскоязычной и эстоноязычной общин Эстонии к приему иммигрантов с 1990-х гг. и до наших дней. В исследовании поставлено два вопроса: 1) каковы сходства и различия в восприятии иммигрантов со стороны русскоязычной и эстоноязычной общин Эстонии?; 2) способствовали ли разразившийся в 2015 г. Европейский иммиграционный кризис и начавшаяся в 2022 г. Специальная военная операция объединению русскоязычной и эстоноязычной общин Эстонии на антииммигрантской платформе?

К числу значимых и актуальных исследований и публикаций по иммиграционной и евроскептической тематике в Эстонии, на которые опирается данная работа, относится работа В. Везбея, который обращает особое внимание на то, что в 2015–2016 гг. эстоноземельцы не давали национальному правительству Эстонии мандата на переселение беженцев из других стран-членов ЕС, и этот «несуществующий» мандат не должен быть делегирован Таллином Европейской комиссии. Он также отмечает, что ответственность за нестабильность, возникшую из-за «кризиса беженцев», по праву лежит также и на Брюсселе (Veebel, 2015). А. Макарычев и А. Яцык рассматривают два измерения дебатов о беженцах в Эстонии – политические дискурсы и культурные репрезентации (Makarychev, Yatsyk, 2017). Л. Виеренга изучил изменяющееся отношение эстонских евроскептиков к русскоязычному населению Эстонии в свете разразившегося в Европе «кризиса беженцев» (Wierenga, 2017). В.В. Воротников отмечает, что Европейский миграционный кризис 2015–2016 гг. стал серьезным испытанием для ЕС, в том числе для Эстонии (Воротников, 2017). Важной явилась работа А.В. Яцык, в которой рассматривается восприятие дебатов о беженцах русскоязычными жителями эстонского города Нарва, которые по большей части связывают этот вопрос со своим личным опытом интеграции в эстонское общество после распада СССР (Yatsyk, 2018). А.С. Макарычев и И. Плоом сравнили эстоноязычные и русскоязычные дискурсы об иммиграции и сделали попытку выяснить, оказывает ли «кризис беженцев» влияние на политическую идентичность этнических эстонцев и русскоязычного меньшинства в Эстонии посредством анализа нарративов, отраженных в СМИ (Makarychev, Ploom, 2019). А. Астапова рассматривает причины приезда в Эстонию беженцев из постсоветских стран (Astapova, 2020). Э. Уитт и др. определили круг проблем, с которыми после начала Специальной военной операции (СВО) столкнулись украинские беженцы в Эстонии (Witt, Nurk, Lill, 2023). Й. Яухийайнен и Х. Эрбсен уделили особое

³ Noorukid võitlevad Internetis eestlaste rassilise puhtuse eest (2001) *Eesti Päevaleht*, 03 August. Available at: <https://epl.delfi.ee/artikkel/50891148> (accessed 05 February 2022). (In Estonian).

внимание анализу того, как украинских беженцев принимают в ЕС на трех территориально-административных уровнях – наднациональном, национальном (на примере Эстонии) и субнациональном (Jauhainen, Erbsen, 2023). В настоящем исследовании использовались также данные многочисленных социологических опросов, проведенных в Эстонии в период с 2015 по 2023 гг.

Настоящая статья состоит из семи разделов. В первом разделе рассматриваются корни опасений эстонцев перед наплывом иммигрантов, рассказывается об истоках коллективного страха жителей Эстонии перед приезжими. Во втором разделе исследуются последствия Европейского миграционного кризиса 2015–2016 гг., ставшего импульсом для широкого распространения мигрантофобии и евроскептицизма среди эстоноземельцев. В третьем разделе рассматриваются результаты социологических опросов населения Эстонии, выступающих в качестве своеобразного измерителя уровня мигрантофобии и толерантности среди эстоноземельцев. Четвертая часть исследует своеобразный парадокс – ситуативное и краткосрочное по времени перемещение в евроскептический стан эстонских еврооптимистов (например, политических элит и политических партий), а также их последующее возвращение в свое «нормальное состояние» (традиционный еврооптимизм) во имя «европейской солидарности». В пятой части исследуется принципиально новый вызов для Эстонии – наплыв украинских беженцев. В шестой и седьмой частях анализируются особенности отношения к иммигрантам со стороны этнических эстонцев и представителей русскоязычной общины. Наконец, в заключении в систематизированном виде представлены сходства и различия в подходах к беженцам со стороны двух общин Эстонии.

Причины страха этнических эстонцев перед беженцами

При рассмотрении вопроса о беженцах и иммиграционной проблематике в целом эстонские евроскептики и националисты прибегают к использованию постулатов из «реставрационного» и «деколониационного» национализма. В эстонском контексте «реставрационный» национализм означает тот, который направлен на возрождение националистического дискурса и традиций времен существовавшей в 1918–1940 гг. Первой Эстонской Республики (Bîrzea, 1996: 21). «Деконизационный» национализм (Smith, 1998: 3) в трактовке евроскептиков и националистов является следствием связывания коллективных воспоминаний о так называемой «колонизации» Эстонии при СССР с беспокойством о том, что в будущем Эстония снова станет «колонизированной» (Hallik, 2002: 71; Peiker, 2016: 120–123), но уже другими акторами, например, Брюсселем (Petsinis, 2019: 211–213), а также «чужими» – беженцами, которые прибывают в Эстонию по навязанным Брюсселем квотам.

«Деконизационный» национализм, строящийся в русле социально-психологического измерения, традиционно фигурировал в программах многих евроскептических политических партий и движений Эстонии, к ко-

торым относятся, например, Эстонская партия независимости⁴, Эстонская Партия Свободы – Крестьянское Собрание⁵, Эстонское национальное движение⁶ и др. «Колонизация» Эстонии Брюсселем, по мнению евроскептиков, означает, что страна будет превращена (или уже превращена) в «колонию» для других стран-членов ЕС, которые нарушают Конституцию Эстонии и другие законы по своему усмотрению и «согласно воле своих хозяев»⁷. Евроскептики полагают, что, по мнению Брюсселя, эстонцы «живут и тихо умирают где-то на окраине империи и ничего не понимают ни в стране, ни в своей государственности, ни в законах, ни в Конституции»⁸. Представители Консервативной народной партии Эстонии (КНПЭ), утверждающие, что «Советский Союз основал в Эстонии «русскую колонию», увеличившуюся и укрепившуюся в последние годы», также отмечают, что нынешний миграционный кризис с украинскими беженцами на самом деле является продолжением скрытой «колонизации» Европы⁹. Евроскептики выступают против «тлетворных европейских ценностей», навязываемых Брюсселем, а также поощряемой им массовой иммиграции в Европу (Põlluaas, 2019: 203, 257).

Эстонские евроскептики, в массе своей будучи националистами, говорят о так называемых «старых иммигрантах», имея в виду не только прибывших в послевоенные годы из СССР русскоязычных людей¹⁰, но также и их потомков. Так, депутат Таллинского городского собрания М. Каллас заявил, что считает все русскоязычное население Эстонии «человеческим мусором», позже уточнив, что речь шла об «иммигрантах с советским менталитетом»¹¹. В действительности же в советское время происходила внутренняя миграция в рамках одного большого государства – Советского Союза. Националисты утверждают, что в советское время в Эстонской ССР проводилась русификация, оказавшая существенное влияние на эстонский язык и культуру¹². Они отмечают, что эта русификация и массовое переселение русскоязычных из внутренних частей СССР в Эстонскую ССР являлись частью некой целена-

⁴ Eesti Iseseisvuspartei poliitiline doktriin (2001) *Iseseisvuspartei*. Available at: <http://www.iseseisvuspartei.ee/test/index.php/doktriin.html> (accessed 18 January 2022). (In Estonian).

⁵ Programm. *Vabaduspartei – Põllumeeste Kogu*. Available at: <http://www.vabaduspartei.ee/programm/index.html> (accessed 17 January 2022). (In Estonian).

⁶ Programm. *Eesti Rahvuslik Konservatiivne Liit*. Available at: <http://erk1.ee/programm> (accessed 01 February 2022). (In Estonian).

⁷ Rahvuslased nõudsid võltsireferendumi tühistamist (2016) *Rahvuslik Teataja*, № 10 (51). Oktoober. Lk. 1. (In Estonian).

⁸ Hatto J. (2011) Kuritegu kõigi silme all. *Rahvuslik Koguja*, Jaanuar. Lk. 2. (In Estonian).

⁹ "Rändekriis" on tegelikult Euroopa varjatud koloniseerimine (2023) *Uued Uudised*, 14. september. Available at: <https://uueduudised.ee/arvamus/randekriis-on-tegelikult-euroopa-varjatud-koloniseerimine> (accessed 17 September 2023). (In Estonian).

¹⁰ Taagepera R. (1988) Eesti keele nädal neljas linnas. *Vaba eestlane*, № 77 (3465). Oktoober. Lk. 5. (In Estonian).

¹¹ Эстонский депутат назвал русскоязычных жителей республики «человеческим мусором» (2021) *Versia.ru*, 10 февраля. Available at: <https://versia.ru/yestonskij-deputat-nazval-russkoyazychnyx-zhitelej-respubliki-chelovecheskim-musorom> (дата обращения: 16.02.2022).

¹² EKRE läheb valimiste loosungiga "Päästame Eesti!" (2022) *Postimees.ee*. 20. november. Available at: <https://www.postimees.ee/7652323> (accessed 17 December 2022) (In Estonian).

правленной и продуманной стратегии, ставившей целью заставить этнических эстонцев лишиться своего культурного наследия, истории и моральных устоев, заменив все это общей советской идентичностью (Paju, 2019). По их словам, приток русскоязычных людей (в их терминологии – «колонизаторов» или «колонистов»), значительно изменил не только национальный состав населения Эстонии, но и ее культурный облик (Фурман, Задорожнюк, 2004: 100).

Прибывавшие в послевоенное время по распределению в Эстонскую ССР селились обычно в возводимых на городских окраинах панельных домах¹³. В таких кварталах они жили довольно изолированно, в большинстве своем не изучая эстонский язык и общаясь между собой исключительно по-русски, часто даже не имея знакомых из числа этнических эстонцев. Однако и последние не особенно стремились устанавливать с прибывшими в Эстонскую ССР русскоязычными людьми дружеские связи, ориентируясь на жизнь в своей довольно замкнутой эстоноязычной общине. В итоге в Эстонии были образованы два во многом параллельных и мало пересекающихся общества¹⁴.

Таким образом, страх эстонцев перед наплывом беженцев связан с памятью о прибытии после Великой Отечественной войны в Эстонскую ССР внутренних мигрантов из разных регионов СССР, которые занимались возведением в Эстонии крупных объектов инфраструктуры, дорог и доступного жилья. Эстонцы опасались того, что их этнос постепенно будет вытеснен приезжавшими русскоязычными людьми, окажется в меньшинстве по сравнению с увеличивающейся общиной русскоязычных, из-за чего эстонский язык и культура тоже будут под угрозой. Другой основой для опасений эстонцев относительно иммигрантов является укорененный консерватизм, национализм и евроскептицизм, стремление защитить эстонскую идентичность, отстоять суверенитет Эстонской Республики от посягающих на него неприемлемых действий Брюсселя. Истоки относительно консервативной политики Эстонии в отношении Европейского миграционного кризиса исходят, помимо прочего, из существовавших в первые постсоветские годы опасений Таллина относительно возможных негативных последствий, связанных с превращением Эстонии в «транзитную страну»¹⁵.

Европейский миграционный кризис как катализатор мигрантофобии и евроскептицизма

Представлявший одну из самых больших угроз евроинтеграции Европейский миграционный кризис (Европейский союз..., 2016: 8) способствовал превращению евроскептиков из маргиналов в системную силу (Кавешников, 2021: 331). Эстонскими евроскептиками во многом движет идея о том, что Эсто-

¹³ Vasli K. (2014) Eestlane piirilinnas: Narva on viimane osa Nõukogude Liidust. *Õhtuleht*, 13. märts. Available at: <https://www.oh tuleht.ee/567841> (accessed 06 February 2022). (In Estonian).

¹⁴ Таммарту Т., Каллас К., Эметс Р. (2017). Эстония в эпоху миграции. *Inimareng.ee*. Available at: <https://2017.inimareng.ee/pohisonumid-ru> (дата обращения: 03.02.2022).

¹⁵ Bronštein M. (1996) Transiidi osa majandussuhetes. *Äripäev*, 19 august. № 141. Lk. 10. (In Estonian).

ния является нацией, находящейся под угрозой со стороны ЕС как наднационального образования, «чужих» культур и приезжих из дальних частей света. После начала кризиса в 2015 г. большое количество жителей Эстонии стало отрицательно относиться к идее приема и размещения беженцев. Они апеллировали, например, к тому, что в 2010 г. 18,6% детей в Эстонии в возрасте до 18 лет (или 45 тыс. человек) жили в абсолютной бедности¹⁶, и необходимо решить проблемы эстоноземельцев, прежде чем принимать иммигрантов. Вскоре после начала кризиса на официальном сайте гражданских инициатив Эстонии была размещена соответствующая петиция против приема иммигрантов, собравшая более пяти тыс. голосов¹⁷. Размещенные под ней комментарии эстоноземельцев сквозят нетерпимостью, ксенофобией и даже неприкрытым расизмом к беженцам. Далее представлен срез мнений жителей Эстонии относительно этой чувствительной проблематики на основе выборки комментариев за период с мая по октябрь 2015 г.

Эстоноземельцы объясняют свое нежелание принимать иммигрантов неспособностью последних интегрироваться в местное сообщество, а также угрозой социальной, этнической напряженности (*«у иноземцев не имеется с нами никакого культурного сходства, у них нет уважения к эстонской культуре, равно как и не было исторического контакта с эстонским народом»*). Отмечаются возможные притеснения эстоноземельцев, заявляется о проблемах выживания эстонской нации (*«скоро мы станем просто флагом или гербом в каком-нибудь музее»; «проводится политика поспешного истребления нашей и без того умирающей эстонской нации»*). Эстоноземельцы говорили о наличии у некоторых беженцев серьезных заболеваний. Они выражали свой страх, что поддержка чужестранцев ляжет на слабую и фрагментированную социальную систему Эстонии.

Жители Эстонии заявляли о *«надвигающейся катастрофе»* для страны, *«предстоящем геноциде против эстонского народа»*, *«самоубийстве для нации»*, запуском в Эстонию *«троянского коня»*, открытии *«ящика Пандоры»* для дальнейшего, теперь уже бесконтрольного, приема беженцев в Эстонию (*«первые 1064 беженцев будут лишь первой волной, так как за ними приедут и их родственники, а в будущем ЕС установит новые квоты и в Эстонию хлынет еще больше иммигрантов»*). Поддавшись евроскептическим настроениям, жители страны ставили в вину Брюсселю стремление *«уничтожить эстонский народ»*, а также *«реализовать сознательно организованный политический план ЕС по ослаблению национальных государств и созданию безродной человеческой массы, которой правящей клике будет удобнее манипулиро-*

¹⁶ Vaesus ja sellega seotud probleemid lastega peredes (2011). *Lasteombudsman*. Tallinn. Lk. 30. Available at: https://www.oiguskantsler.ee/sites/default/files/ylevaade_vaesus_ja_sellega_seotud_probleemid_lastega_peredes.pdf (accessed 10 February 2022). (In Estonian).

¹⁷ Ei immigratsioonile! (2015). *Petitsioon.ee*, 24 May. Available at: <https://petitsioon.ee/ei-immigratsioonile> (accessed 15 February 2022). (In Estonian).

вать». Звучали опасения об исчезновении эстонской национальной идентичности, падении нравственности и морали в эстонском обществе, если количество беженцев резко увеличится. Коренные эстонцы полагали, что сначала необходимо заняться проблемами граждан страны (*«сами эстонцы не могут похвастаться зарплатами на «европейском уровне»; «тысячи эстонцев живут в нищете, являясь малоимущими»*). В свете разразившегося миграционного кризиса некоторые эстоноземельцы в комментариях под петицией даже предложили актуальное толкование цветов государственного флага Эстонии: «эстонская политическая элита голубых кровей» (синий цвет), «прибывшие темнокожие иммигранты» (черный цвет), наконец, коренные жители Эстонии – «белые вороны» (белый цвет).

Таким образом, значительная часть местных жителей довольно критически отнеслась к возможному прибытию мигрантов в Эстонию. Опасались жители страны и неясного происхождения беженцев. Отмечалось отсутствие знаний у эстоноземельцев о доподлинных причинах иммиграции, ведь попавшие в Эстонию беженцы могли оказаться радикалами, военными преступниками, боевиками или же членами террористических группировок. Когда в 2015 г. бывший узник тюрьмы в Гуантанамо А. Кадир прибыл в Эстонию, где получил статус беженца и квартиру¹⁸, жители Эстонии высказывали свое недовольство тем, что тогдашний премьер-министр Т. Рыйвас не сумел убедительно объяснить гражданам, почему эстоноземельцы оказались вынуждены принять этого человека.

Во время Европейского миграционного кризиса в 2015–2016 гг. в Эстонии было подано небольшое количество заявлений беженцев о предоставлении убежища. Еще меньшее количество из них было удовлетворено властями. Более того, со времени присоединения Эстонии к Конвенции ООН о статусе беженцев в 1997 г. и вплоть до 2021 г. статус беженца получили всего 346 человек, а дополнительную защиту – 257 человек¹⁹ (см. рис. 1).

¹⁸ Luts P., Järvekülg M. (2015) Eesti võttis vastu Guantanamo kinnipeetava. *ERR.ee*, 15 January. Available at: <https://www.err.ee/528062/eesti-vottis-vastu-guantanamo-kinnipeetava> (accessed 20 February 2022). (In Estonian).

¹⁹ Pagulased Eestis. Eesti Pagulasabi. Available at: <https://www.pagulasabi.ee/et/pagulased-eestis> (accessed 19 February 2022). (In Estonian).

Рис. 1. Лица, ходатайствующие о получении международной защиты в Эстонии, и ее получатели в этой стране (1997 – 2021 г., Q1)

Источник: *Eesti Pagulasabi*²⁰

В рейтинге *Migrant Integration Policy Index (MIPEX)* в отношении Эстонии, получившей в 2020 г. всего 50 баллов из 100, отмечается, что интеграционная политика страны создает столько же препятствий, сколько и возможностей для интеграции приезжих. Составители рейтинга утверждают, что эстонское государство часто лишает иммигрантов возможности быть услышанными политиками, а современная политика Эстонии во многом не поощряет общественность воспринимать иммигрантов как своих соседей и равных.²¹ Эстония с присущей ей довольно жесткой миграционной политикой была и остается непопулярным направлением у иммигрантов. Для многих Эстония часто предстает как транзитная территория, через которую они стремятся попасть, например, в ФРГ.²² Более того, в стране действуют специальные иммиграционные квоты, согласно которым количество видов на жительство, выдаваемых в год, не должно превышать 0,1% от постоянного населения государства. Квота на 2023 год составляет 1307 новых иммигрантов²³.

²⁰ Pagulased Eestis. Eesti Pagulasabi. Available at: <https://www.pagulasabi.ee/et/pagulased-eestis> (accessed 19 February 2022). (In Estonian).

²¹ Estonia (2020) *Migrant Integration Policy Index – MIPEX*. Available at: <https://www.mipex.eu/estonia> (accessed 26 January 2022).

²² Kuulpak K. (2017) Üle poolte Eestisse saabunud pagulastest on riigist lahkunud. *Postimees.ee*, 18 October. Available at: <https://www.postimees.ee/4281557> (accessed 20 February 2022). (In Estonian).

²³ Kiisler I. (2023) Töandjad sooviks sisserände kvoodi mitmekordistamist. *ERR.ee*, 25 August. Available at: <https://www.err.ee/1609076615> (accessed 28 August 2023). (In Estonian).

Социологические опросы как отражение мигрантофобии эстоноземельцев

Динамику изменения отношения эстоноземельцев к иммигрантам и восприятия беженцев можно проследить по результатам опросов общественного мнения. Результаты двух независимых опросов общественного мнения, проведенных в июне и августе 2015 г., показали, что за прием беженцев выступает меньшинство населения страны (32% и 22% респондентов соответственно)²⁴. Согласно проведенному в том же году веб-опросу²⁵, организованному на базе газеты *Eesti Päevaleht* и новостного портала *Delfi.ee*, 80,7% эстоноземельцев отмечали, что приезд беженцев негативно повлияет на обстановку в стране, и 60% опрошенных подтвердили, что вопрос о беженцах для них очень важен. Примечательно, что в страновом разрезе наибольшее число респондентов (28,7%) высказались за поддержку беженцев с Украины. К осени 2016 г. отношение жителей Эстонии к общеевропейской политике в области миграции также было невелико: в 2016 г. ее поддержали лишь 45% респондентов²⁶.

В феврале 2016 г. лишь 5% опрошенных эстоноземельцев были согласны с тем, чтобы беженцы стали их соседями, 74% были настроены категорически против, 18% респондентов выразили нейтральное отношение. Если рассматривать отношение к этому вопросу среди местных русскоязычных, то 82% из них были против того, чтобы беженцы стали их соседями. Из числа респондентов, населявших преимущественно русскоязычный уезд Ида-Вирумаа, 55% были «полностью против», 34% – «скорее против» и лишь 1% респондентов ответили «скорее за». Тогда 36% опрошенных эстоноземельцев отмечали, что кризис беженцев вызван внешней политикой ЕС и США (из числа жителей уезда Ида-Вирумаа такую позицию разделяли 51% опрошенных)²⁷.

Исходя из опроса, проведенного в марте 2016 г. по заказу эстонского Института изучения социальных проблем, две трети граждан Эстонии считали миграционный кризис гораздо большим вызовом, чем искусственно сконструированную экзистенциальную угрозу в виде российской «агрессии». На вопрос, что они считают большей угрозой для Эстонии в настоящий момент – кризис с беженцами или потенциальную «агрессию» со стороны России, 64% высказались в пользу первого варианта и лишь 24% – в пользу второго варианта²⁸.

²⁴ Teder M. (2015) Uuring: pagulaste vastu on 42 protsenti Eesti elanikest. *Postimees*, 26. juuni. Available at: <http://www.postimees.ee/3236833> (accessed 20 February 2022) (In Estonian).; Jõesaar T. Pagulasvastatus kasvas suvega pea poole võrra. (2015) *Eesti Päevaleht*, 4. september. Available at: <https://epl.delfi.ee/artikkel/72363563> (accessed 25 February 2022). (In Estonian).

²⁵ В опросе приняли участие примерно 13 тыс. человек, из которых около 15% составили русскоязычные жители Эстонии. Vaitmaa E. (2015) Hirm pagulaste ees. *Eesti Päevaleht*, 26. juuni. Available at: <https://epl.delfi.ee/artikkel/71780185> (accessed 25 February 2022). (In Estonian).

²⁶ Standard Eurobarometer 86 (2016) Rahvuslik aruanne. Eesti. *Eurobarometer*. Lk. 10. Available at: <https://europa.eu/eurobarometer/api/deliverable/download/file?deliverableId=59993> (accessed 15 February 2022). (In Estonian).

²⁷ *Rahvussuhted Eestis* (2016) Saar Poll OÜ, veebruar, Tallinn. Lk. 5, 30. Available at: https://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Rahvussuhted%20Eestis_Aruanne_FINAL.pdf (accessed 11 January 2022). (In Estonian).

²⁸ Survey: 2/3 of Estonian citizens see refugee crisis as bigger threat than Russia. (2016) *News.Postimees.ee*, 30 March. Available at: <https://news.postimees.ee/3637277> (accessed 10 April 2022).

Согласно проведенному в 2021 г. «Евробарометром» опросу общественного мнения, на вопрос «Думаете ли вы, что иммиграция из стран, находящихся вне пределов ЕС, представляет собой в большей степени проблему или же в большей степени возможность для Эстонии сегодня?», 46% эстоноземельцев ответили, что «это в большей степени проблема», 37% – что «это в равной степени проблема и возможность», лишь 10% указали, что «это в большей степени возможность», 5% – что «это ни проблема, ни возможность», и 2% затруднились ответить.²⁹

Временное перемещение в евроскептический лагерь закоренелых эстонских еврооптимистов

Подвергнувшие секьюритизации проблему иммиграции власти Эстонии³⁰, демонизирующие беженцев эстонские СМИ, а также бьющие тревогу политические партии (в том числе и мейнстримные, например, партия «Отечество») и движения увидели в потенциальном наплыве «чужих» экзистенциальную угрозу безопасности для страны. В 2015 г. представители политической элиты, например, члены правительства, а на первом этапе кризиса даже представители еврооптимистической Партии Реформ, высказывались против предложения Еврокомиссии о распределении беженцев среди стран ЕС на основе обязательного принципа квот (для Эстонии тогда предполагалась квота в 1064 иммигранта)³¹.

Эстония не поддерживала ни принцип принудительного распределения беженцев, ни внедрение системы обязательных квот³². По мнению премьер-министра Т. Рыйваса, такие предложения были основаны на «нелогичном расчете» Брюсселя³³. Он также выступил в поддержку того, чтобы лишь национальные правительства в ЕС могли определять, какое количество и каких именно иммигрантов они желают и могут принять. Таким образом, в 2015 г. традиционно еврооптимистические представители политической элиты Эстонии продемонстрировали почти единогласный евроскептицизм. Однако впоследствии Брюссель смог уговорить власти Эстонии на акцептирование принципа распределения обязательных квот (в стране тогда имелся лишь один центр по приему беженцев – в деревне Вао). Для Эстонии предлагалось

²⁹ *Integration of immigrants in the European Union* (2022). Special Eurobarometer 519. November–December 2021. European Union. P. 41. Available at: https://ec.europa.eu/migrant-integration/library-document/special-eurobarometer-integration-immigrants-european-union_en (accessed 11 August 2022).

³⁰ Секьюритизация выражалась в соответствующей риторике представителей политических элит, изобилующей антииммигрантскими мотивами и ссылками на возможную угрозу безопасности для страны.

³¹ Luts P., Narl M. (2015) Valitsus kujundas seisukoha: Eesti pole nõus kvoodi alusel põgenikke vastu võtma. *ERR.ee*, 9. juuni. Available at: <https://www.err.ee/536566> (accessed 18 August 2022). (In Estonian).

³² Кальюранд: ЕС в решении миграционного кризиса перешел от взаимных обвинений к сотрудничеству (2016) *МИД Эстонии*, 14 мая. Available at: <https://vm.ee/ru/novosti/kalyurand-es-v-reshenii-migracionnogo-krizisa-pereshel-ot-vzaimnyh-obviniy-k> (дата обращения: 16.02.2022).

³³ Rõivas: Eesti pole nõus põgenikke sundkvootidega, sest need põhinevad ebaloogilisel arvutusel (2015). *Delfi.ee*, 27. mai. Available at: <https://www.delfi.ee/artikkel/71574353> (accessed 08 February 2022). (In Estonian).

принять небольшое количество беженцев по квоте в 373 человека³⁴. Позже власти, маневрирующие между евроскептиками внутри страны и стремящиеся поддержать солидарность перед общеевропейским вызовом, согласились принять в рамках миграционной программы за два года до 550 беженцев, въехавших в другую страну ЕС. Эстонские евроскептики восприняли квоты на беженцев как еще один шаг на пути к потере национального суверенитета, однако власти страны старались избегать публичного обсуждения последствий общеевропейского «кризиса беженцев» для Эстонии (Veebel, 2015: 46–52).

Уровень евроскепсиса среди преимущественно еврооптимистических представителей эстонской политической элиты (с их «*пробрюссельским государственным капитализмом*», по выражению представителей КНПЭ³⁵) довольно низок. Однако он все равно имеется, занимая лишь несколько определенных ниш, включая вопрос сдерживания притока иностранцев в Эстонию (Тамби, 2023: 212). Уровень общественного евроскепсиса в стране высок, что можно объяснить не только секьюритизацией иммиграционной проблематики со стороны политиков, но и относительно низким уровнем доверия населения к власти вообще. Так, к февралю 2023 г. целых 41% эстоноземельцев не доверяли правительству страны, число же не доверяющих Рийгигогу³⁶ составило 52%³⁷.

Раскол в эстонском обществе между политической элитой и значительной частью населения по резонансной иммиграционной проблематике до сих пор так до конца преодолеть и не удалось. Евроскептики отмечали, что дешевле будет заплатить за выход Эстонии из ЕС, чем за содержание беженцев³⁸. Представителям политического истеблишмента пришлось констатировать, что очередная уступка Брюсселю в приеме беженцев является своеобразной платой за членство в ЕС для Эстонии, ранее привыкшей лишь получать финансовые дотации из ЕС³⁹. Отдельные политики поспешили обвинить своего восточного соседа: так, член комиссии по государственной обо-

³⁴ Eurokomisjoni uues kavav on Eesti osa 373 sisserändajat. (2015) *Pealinn*, 07. september. Available at: <https://pealinn.ee/2015/09/07/eurokomisjoni-uues-kavav-on-eesti-osa-373-sisserandajat> (accessed 04 February 2022). (In Estonian).

³⁵ EKRE: застой в Эстонии продолжается уже годами. (2016) *Rus.Postimees.ee*, 13 января. Available at: <https://rus.postimees.ee/3467379> (дата обращения: 10.02.2022).

³⁶ Рийгигогу – однопалатный парламент Эстонии, состоящий из 101 депутата и избирающийся на 4-летний срок.

³⁷ Михайлов С. (2023) Доверие жителей Эстонии к правительству немного выросло, но к парламенту заметно снизилось. *Rus.ERR.ee*, 12 марта. Available at: <https://rus.err.ee/1608912581> (дата обращения: 14.03.2023).

³⁸ Ei immigratsioonile! (2015) *Petitsioon.ee*, 24. mai. Available at: <https://petitsioon.ee/ei-immigratsioonile> (accessed 15 February 2022). (In Estonian).

³⁹ Вельман: прием беженцев – это плата Эстонии за членство в ЕС. (2015) *Rus.Postimees.ee*, 14 мая. Available at: <https://rus.postimees.ee/3190507> (дата обращения: 04.02.2022).

роне Рийгикогу А. Лаанеотс был убежден, что Россия использовала миграционный кризис в ЕС в контексте проведения своей так называемой «гибридной войны»⁴⁰.

Украинские беженцы – новый вызов для Эстонии?

После начала СВО в феврале 2022 г. страны ЕС в целом и Эстония в частности столкнулись с проблемой иммиграции с территории Украины. Эстонские исследователи утверждают, что на общественном уровне эстонцы чувствительны к любому российскому «вмешательству» – как по отношению к своей стране, так и ко всей Европе (Veebel, Ploom, 2023: 147). Если в разгар Европейского миграционного кризиса представители эстонской политической элиты заявляли, что страна не сможет принять и три сотни беженцев, то с началом СВО ситуация изменилась: по решению действовавших в русле «европейской солидарности» властей страна приняла десятки тысяч беженцев из Украины.

Эстоноземельцы демонстрировали высокую степень поддержки по отношению к украинским беженцам (в особенности – к военным беженцам), выражали готовность принять и разместить их в Эстонии⁴¹, что во многом было вызвано ужесточением антироссийской позиции Брюсселя и Таллина⁴². К тому же, в отличие от выходцев из Азии и Африки, украинские беженцы оказывались более культурно близки эстонцам.

Вместе с тем уровень поддержки решения о приеме украинских беженцев со временем стал снижаться. Если в апреле 2022 г. 81% респондентов высказались за поддержку беженцев, то уже к сентябрю 2023 г. уровень одобрения упал до 60%. Закономерным образом число людей, выступающих против приема беженцев, за указанный период выросло с 13% до 31%⁴³. Положительным результатом прибытия беженцев стало увеличение за счет иммигрантов численности населения страны, в которой естественный прирост населения является отрицательным. Так, к концу 2022 г. в Ида-Вирумаа остано-

⁴⁰ Лаанеотс: Россия пытается использовать миграционный кризис в своей гибридной войне (2016). *Столица*, 08 марта. Available at: <https://www.stolitsa.ee/estoniya/laaneots-rossiya-pytaetsya-ispolzovat-migracionnyy-krizis-v-svoey-gibridnoy-voynе> (дата обращения: 04 февраля 2022).

⁴¹ Гостю почет: жители Прибалтики активно помогают беженцам с Украины. (2022) *Baltnews.com*. 7 декабря. Available at: <https://baltnews.com/v-mire/20221207/1025815674/Gostyu-pochet-zhiteli-Pribaltiki-aktivno-pomogayut-bezhentsam-s-Ukrainy.html> (дата обращения: 09.12.2022).

⁴² Эстония. О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах (2022). *МИД России*, 14 июня. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1815559 (дата обращения: 12.09.2022).

⁴³ *Avaliku arvamus seireuuring. 16. seire. Küsitlus 15. a. ja vanema elanikkonna seas* (2023). 7.-12. september. Riigikantselei. Tallinn, Turu-uuringute AS. Lk. 23. Available at: <https://www.riigikantselei.ee/media/2977/download> (accessed 01 October 2023). (In Estonian).

лась убыль населения за счет прибывших беженцев. Одним из отрицательных последствий стало увеличение числа безработных, получающих пособия из бюджета⁴⁴.

По состоянию на 1 ноября 2022 г. в Эстонию прибыло более 115 тыс. украинских беженцев (среди них как этнические русские, так и этнические украинцы), из них около 63 тыс. человек решили остаться в Эстонии, что составило около 5% от всего населения страны⁴⁵. К ноябрю 2023 г. временную защиту в Эстонии получили около 36 тыс. беженцев, а международную защиту – около 7 тыс. беженцев (многие пребывают в Эстонии без такого статуса, а иногда и без регистрации, что разрешено эстонским законодательством)⁴⁶. Уже к концу 2022 г. нагрузка на социальную систему привела к тому, что в стране практически не осталось подходящего жилья, рабочих мест и мест в школах для украинских беженцев⁴⁷.

В дискуссиях на общенациональном и местном уровнях пристальное внимание продолжает уделяться стране происхождения мигрантов: существует четкое различие между украинскими («хорошими») и сирийскими («плохими») беженцами (Jauhiainen, Erbsen, 2023: 423). Общественное восприятие в Эстонии до 2022 г. в основном концентрировалось лишь на азиатских и африканских беженцах (Astapova, 2020: 87). Многие эстонцы испытывают исламофобию (Tinn, 2013: 319), в стране возрастает роль нетрадиционных течений мусульманской веры⁴⁸, а местные жители стали часто попадать в руки исламских экстремистов⁴⁹. Эстонские евроскептики отмечают, что современный ЕС, в котором набирает обороты иммиграция мусульманского населения, «морально разрушен» (Vallaste, 2004: 128). В этой связи уровень солидарности по отношению к украинским беженцам не распространяется на ищущих убежища *неевропейцев*.

С прибытием украинских беженцев в Эстонии возросло число русскоговорящих, так как украинские иммигранты в большей степени интегрируются именно в русскоязычную общину. Русский язык в большинстве случаев выступает языком межнационального общения между этническими украинца-

⁴⁴ 5,323 Ukrainian refugees registered as unemployed in Estonia (2022) *The Baltic Times*, 24 August. Available at: https://www.baltictimes.com/5_323_ukrainian_refugees_registered_as_unemployed_in_estonia (accessed 26 August 2022).

⁴⁵ В Эстонии более 60 000 украинских беженцев (2022) *Rus.ERR.ee*, 18 ноября. Available at: <https://rus.err.ee/1608793321> (дата обращения: 20.11.2022).

⁴⁶ Михайлов С. (2023) За месяц временную защиту в странах ЕС получили еще свыше 50 000 украинских беженцев. *Rus.ERR.ee*, 10 декабря. Available at: <https://rus.err.ee/1609191115> (accessed 13 December 2023).

⁴⁷ Бушев А. (2022) Премьер Каллас: Эстония не в состоянии принять новые решения украинских планов. *Российская газета*, 6 декабря. Available at: <https://rg.ru/2022/12/06/premer-estonii-kallas-my-ne-v-sostoianii-priniat-novuiu-volnu-ukrainskih-bezhencev.html> (дата обращения: 09.12.2022).

⁴⁸ Былов М. (2015) Исламизм дотянулся до Таллина и Риги. *Независимая газета*, 20 мая. Available at: https://nvo.ng.ru/problems/2015-05-20/4_islamism.html (дата обращения: 15.02.2022).

⁴⁹ Espak P., Sazonov V. (2017) Ei islamifoobiale. *Postimees*, 29. september. Available at: <https://arvamus.postimees.ee/4256183> (accessed 03 February 2022). (In Estonian).

ми и этническими эстонцами (ввиду сохраняющегося слабого знания представителями двух этносов английского языка). При этом Эстония применяет избирательный подход, часто не пропуская в страну украинских беженцев, направляющихся в страну с территории России, мотивируя такой отказ «слишком длительным» пребыванием беженца в России.

Этнические эстонцы: отношение к иммигрантам

Некоторые этнические эстонцы продолжают называть местных русскоязычных жителей мигрантами, мотивируя это тем, что последние «пересекли *«международную границу»*», когда переехали в незаконно аннексированную СССР Эстонию» (Kuus, 2007: 73). Данное определение можно отнести к переместившимся в Эстонскую ССР в рамках одного большого государства – СССР (и проживающим здесь вот уже многие десятки лет) русскоязычным, и то желательно с уточнением – «внутренние мигранты». Однако по отношению ко второму или третьему поколению русскоязычных людей термин «мигрант» представляется ошибочным и неуместным. Интересно, что в 1990х и 2000х гг. многие этнические эстонцы опасались посещать Нарву и уезд Ида-Вирумаа, в которых русскоязычные люди являются большинством (Ильин, 2016: 209), из-за страхов в собственной безопасности, связанных с высоким уровнем криминала и коррупции (Райк, 2014: 138–140).

Несмотря на то, что многие русскоязычные вплоть до настоящего времени так и не интегрировались в эстонское общество, за последние годы в Эстонии значительно увеличилась страта «еврорусских» или «балтийских русских», которые обособляют себя от «российских русских», демонстрируя полную лояльность эстонскому государству (Симонян, 2004: 59). По мере улучшения отношений между русскоязычной и эстоноязычной общинами, ослабления среди этнических эстонцев антирусских настроений в связи со значительным снижением протестного уличного потенциала русскоязычных, а также по мере увеличения среди них «еврорусских», в глазах эстонцев русскоязычные со временем становятся «своими». Это происходит несмотря на то, что социальные связи между этническими эстонцами и местным русскоязычным населением по-прежнему остаются довольно слабыми. На фоне угрозы со стороны иммигрантов проживающие в Эстонии русские люди стали для эстонских евроскептиков «роднее» и даже стали восприниматься ими как «*наши люди*»⁵⁰.

Не все этнические эстонцы согласны с такой позицией. Например, евроскептик Р. Каалеп утверждал, что не верит, что русскоязычных жителей Эстонии когда-либо можно будет считать эстонцами, даже если они научатся бегло

⁵⁰ Сольц В. (2019) Лео Куннас: местные русские нам теперь роднее. *Rus.ERR.ee*. 09 сентября. Available at: <https://rus.err.ee/978619> (дата обращения: 02.02.2022).

разговаривать на эстонском языке⁵¹. Однако он же заявил, что всегда, когда две «белые нации» вместе сталкиваются с чем-то, что не является «белым», они видят, что в конце концов лучше работать сообща. Другой евроскептик Я. Мадисон в 2019 г. утверждал, что у КНПЭ не имеется проблем с местными русскими жителями, которые хорошо интегрированы в эстонское общество. Он также подчеркнул, что они говорят по-эстонски, работают и платят налоги, являясь «нормальными гражданами», которые хотят жить в Эстонии.

В 2015 г. многие этнические эстонцы поддерживали проведение в стране референдума на тему участия этого прибалтийского государства в механизме распределения прибывших в ЕС беженцев (к осени 2016 г. партия КНПЭ собрала около 40 тыс. подписей под петицией о проведении референдума). Однако данная идея так и не была поддержана Конституционной комиссией Рийгикогу, а сам парламент отклонил данное предложение⁵².

В мае 2023 г., отвечая на вопрос «Что Эстонии следует делать с украинскими беженцами?», 69% жителей страны с эстонским языком в семье остановились на выборе опции: «Эстония должна принять лишь определенное количество украинских беженцев, но не слишком много», 25% выбрали вариант «Эстония должна постараться принять как можно больше украинских беженцев без особой бюрократии», лишь 3% выбрали опцию «Эстония вообще не должна принимать украинских беженцев», наконец, 3% затруднились дать ответ⁵³. Другое отношение к данной проблематике продемонстрировали респонденты, говорящие в семье как на русском, так и на эстонском языках (билингвы): так, 30% жителей Эстонии из этой категории респондентов ответили «Эстония вообще не должна принимать украинских беженцев», 49% респондентов высказались в поддержку того, что страна «должна принять лишь конкретное количество украинских беженцев, но не слишком много», 13% поддерживали вариант ответа «Эстония должна постараться принять как можно больше украинских беженцев без особой бюрократии» и 8% затруднились ответить. Тем не менее многие этнические эстонцы продолжают критически относиться к украинским беженцам, например, некоторые из них не готовы сдавать им свое недвижимое имущество. Так, часть квартирных собственников в городе Тарту выразила опасения, что многие беженцы не могут в срок внести плату за аренду квартиры, при этом, по их мнению, эстонские власти непременно встанут на сторону приезжих⁵⁴.

⁵¹ Walker S. (2019) Racism, Sexism, Nazi Economics: Estonia's Far Right in Power. *The Guardian*, 21 May. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/may/21> (accessed 18 February 2022).

⁵² Рийгикогу отклонил предложение EKRE о проведении референдума по беженцам. (2016) *Rus.Postimees.ee*, 27 сентября. Available at: <https://rus.postimees.ee/3851905> (дата обращения: 16.03.2022).

⁵³ Krumm R., Stamberg T., Strapatsuk I. (2023) Feeling cornered. An Analysis of the Russian-Speaking Minority in Estonia. *Friedrich Ebert Stiftung FES Publication*. September, Tallinn. P. 13. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/baltikum/20566-20230915.pdf> (accessed 02 October 2023). *Фонд им. Ф. Эберта признан в России нежелательной организацией.

⁵⁴ Arula E. (2023) Korteriomanihid võldivad endiselt Ukraina sõjapõgenikest üürnikke. *Tartu Postimees*, 8. august. Available at: <https://tartu.postimees.ee/7829875> (accessed 10 August 2023). (In Estonian).

Этнические эстонцы не испытывают явного негатива лишь к двум типам иммиграции. Во-первых, они приветствуют «возвращение на родину» из Западной Европы, Скандинавии или Северной Америки «зарубежных эстонцев» (эст. – *väliseestlased*), то есть, эстонцев, эмигрировавших в советское время на Запад. Во-вторых, нейтральное или позитивное отношение демонстрируется к некоторым приезжим из России и Белоруссии: регистрирующим в Эстонии свои фирмы бизнесменам, высококвалифицированным IT-специалистам, веб-разработчикам, а также «политическим эмигрантам». Эстония стала одной из первых стран в мире, которая в 2020 г. сделала специальную визу для «цифровых кочевников»⁵⁵. К июлю 2022 г. в эстонском секторе ИКТ трудилось более тысячи граждан России⁵⁶.

Русскоязычная община Эстонии: восприятие иммигрантов

По данным на 2023 г., число русских в Эстонии составляет более 306 тыс. человек (более 22% от общей численности населения страны). Подтверждением наличия кризиса мультикультурализма является тот факт, что на высших этажах власти в стране имеется «зеркальный потолок», означающий, что там находится довольно мало представителей национальных меньшинств, в том числе русских⁵⁷, что говорит о наличии в стране этнократического режима⁵⁸. Поскольку к настоящему моменту не произошло полноценной интеграции русскоязычной общины Эстонии в эстонское общество, говорить о скорой интеграции «новых» иммигрантов с другим менталитетом как минимум преждевременно.

При всех имеющихся различиях в восприятии беженцев между этническими эстонцами и русскими (Makarychev, Yatsyk, 2017: 45), обе группы схожи в своем неприятии беженцев из Азии и Африки. К 2016 г. наиболее негативно к беженцам относились жители Эстонии с серыми паспортами (так называемые *неграждане*, среди которых большинство составляют именно русскоязычные)⁵⁹. Многие самоуправления Эстонии с преимущественным русскоязычным населением, например, город Силламяэ⁶⁰, не желали принимать чужеземцев или не были готовы к их приему.

⁵⁵ Eesti loob ühena esimestest riikidest maailmas diginomaadi viisa. (2020) *Siseministeerium*. 3. juuni. Available at: <https://www.siseministeerium.ee/uudised/eesti-loob-esimesena-euroopa-riikidest-diginomaadi-viisa> (accessed 25 February 2022). (In Estonian).

⁵⁶ Ots M. (2022) Reinsalu ei poolda Vene IT-spetsialistidele erandi tegemist. *ERR.ee*, 20. juuli. Available at: <https://www.err.ee/1608662482> (accessed 25 July 2022). (In Estonian).

⁵⁷ Гаман-Голутвина О.В. (2011) В Европе мало говорят о кризисе мультикультурализма в Прибалтике. *МГИМО МИД России*, 20 сентября. Available at: <https://mgimo.ru/about/news/experts/210885> (дата обращения: 16.01.2022).

⁵⁸ Рекеда С. (2013) Гаман-Голутвина: результат трансформации стран Балтии – этнократия. *RuBaltic.ru*, 23 апреля. Available at: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/gaman-golutvina-rezultat-transformatsii-stran-baltii-etnokratiya230413> (дата обращения: 19 января 2022).

⁵⁹ Vasli K. (2016) Eestlasi ja venelasi ühendab vaid üks: viha pagulaste vastu. *Õhtuleht*, 08. märts. Available at: <https://www.ohutuleht.ee/721587> (accessed 14 January 2022). (In Estonian).

⁶⁰ Sillamäe uusi immigrante ei taha. (2015) *Uued Uudised*, 25. september. Available at: <https://uueduudised.ee/uudis/eesti-sillamae-uusi-immigrante-ei-taha> (accessed 14 March 2022). (In Estonian).

Когда в прибалтийскую страну стали прибывать беженцы из другого культурного пространства и с другим цветом кожи, эстонские русские стали для этнических эстонцев «своими»⁶¹. Выразитель интересов русскоязычного населения Эстонии, депутат Европарламента Я. Тоом поддержала предложение Центристской партии (политическая сила, отстаивающая интересы в том числе и русскоязычных жителей Эстонии), членом которой она является, о проведении референдума по вопросу о приеме беженцев в Эстонии (а именно о введении максимального количества получателей международной защиты в Эстонии)⁶². Этническое русское население широко разделяет интерпретацию, согласно которой правительство Эстонии привязано к обязательствам по «европейской солидарности» перед другими странами-членами ЕС, полностью зависящим от Брюсселя. Отмечается культурная предрасположенность к недоверию иммигрантам среди эстоноземельцев, включая русскоязычное население (Makarychev, Ploom, 2019: 49). Скепсис по отношению к иммигрантам выражали многие влиятельные голоса в русскоязычной диаспоре, среди которых, например, М. Кылварт (ныне – мэр Таллина и председатель Центристской партии)⁶³.

После активной фазы Европейского миграционного кризиса все больше русскоязычных стало проявлять интерес к евроскептическим политическим силам (Wierenga, 2017: 14–15). Они стали активно участвовать в деятельности антииммигрантских евроскептических политических партий и движений: так, в 2016 г. они составляли значительную часть политического движения «Солдаты Одина – Эстония» и Партии народного единства, многие русскоязычные стали членами или сторонниками КНПЭ⁶⁴. Местным русским, как и этническим эстонцам, импонирует позиция эстонских евроскептиков в отношении негласного «запрета» на возведение полноценной мусульманской мечети с минаретами в эстонской столице. В настоящее время, несмотря на появляющееся время от времени обращения местной мусульманской общины, в Эстонии нет мечети, а в Таллине имеется лишь Исламский культурный центр. Малая осведомленность многих эстоноземельцев о жизни и традициях мусульман иллюстрируется, например, тем фактом, что многие из них ошибочно называют этот центр «мечетью». В Эстонии, где число мусульман невелико и составляет по разным данным от 1,5 до 10 тыс. человек, общественное сознание часто увязывает воедино возможное возведение мечети в Таллине с ростом

⁶¹ Einmann A. (2016) Uuring: Eesti venelased on eestlastest suuremad pagulasvastased. *Postimees*, 07. märts. Available at: <https://www.postimees.ee/3609271> (accessed 17 January 2022). (In Estonian).

⁶² Сапик А. (2016) Яна Тоом: Политика правительства Эстонии в отношении беженцев противоречива. *Rus.ERR.ee*, 4 марта. Available at: <https://news.err.ee/117751> (дата обращения: 18.03.2022).

⁶³ Веретенников В. (2016) Не приходите в мой дом: Эстония встречает беженцев ростом ксенофобии. *Lenta.ru*, 31 марта. Available at: <https://lenta.ru/articles/2016/03/31/migrants> (дата обращения: 24.06.2022).

⁶⁴ Антоненко О. (2016) Эстонские «Солдаты Одина» на марше – против мигрантов, но за русских. *BBC.com*, 25 февраля. Available at: <https://www.bbc.com/russian/international/2016/02/160224> (дата обращения: 25.05.2021).

радикализма и исламизма в стране. По данным проведенного еще в 2001 г. опроса около 60% эстоноземельцев высказались против строительства мечети в Таллине и лишь 30% респондентов приветствовали эту идею⁶⁵.

В преимущественно русскоязычном городе Нарве иммигранты чувствуют предвзятое отношение к себе, в связи с чем происходит усиление социальной отчужденности новоприбывших и их последующая радикализация⁶⁶. Ощущение отчужденности больше всего касается беженцев из дальних стран, в то время как беженцам с русскоязычным происхождением гораздо легче адаптироваться именно в Ида-Вирумаа (а не в преимущественно эстоноязычных уездах), в привычной для них русскоязычной среде. Негативное отношение жителей города к перспективам размещения в нем беженцев стало консолидирующим фактором для местной политики, а евроскептические настроения в Нарве подпитываются разочарованием жителей в институтах ЕС как защитниках прав меньшинств (Yatsyk, 2018: 11–13). В настоящее время многие прибывающие в Эстонию украинские беженцы опасаются оставаться в уезде Ида-Вирумаа по причине широкого распространения укорененных антиукраинских настроений среди местных русскоязычных⁶⁷.

В 2023 г., отвечая на вопрос «Что Эстонии следует делать с украинскими беженцами?», 66% респондентов с исключительно русским языком в семье выбрали ответ, что Эстония «должна принять лишь конкретное количество украинских беженцев, но не слишком много»⁶⁸. Представители русскоязычной общины Эстонии, как и этнические эстонцы, зачастую видят в иммигрантах своих конкурентов, которые занимают рабочие места, а также места в вузах, профессионально-технических училищах, школах и детских садах. Все это стало проблемой для представителей как русскоязычной, так и эстоноязычной общин⁶⁹. Иммигранты также рассматриваются как угроза безопасности, причина возможного падения уровня жизни, роста бедности и уровня преступности⁷⁰. Уже к лету 2023 г. военными беженцами было совершено около 0,3% от всех зарегистрированных в стране преступлений, среди проступков их доля выше⁷¹.

⁶⁵ Huang M. (2001) A mosque with a view. *Central Europe Review*, 22 January. Available at: <http://www.ce-review.org/01/3/amber3.html> (accessed 15 January 2022).

⁶⁶ Андреев Н. (2014) Нарва нравится мигрантам больше, чем нарвлянам. *Stena.ee*, 06 мая. Available at: <https://www.stena.ee/blog/narva-nravitsya-migrantam-bolshe-chem-narvityanam> (дата обращения: 11.01.2022).

⁶⁷ Каза Ю. (2023) Прибытие украинских беженцев усиливает этническую напряженность в Латвии и Эстонии. *Infobae*, 23 марта. Available at: <https://www.infobae.com/ru/2022/03/23> (дата обращения: 26.03.2023).

⁶⁸ Krumm R., Stenberg T., Strapatsuk I. (2023) Feeling cornered. An Analysis of the Russian-Speaking Minority in Estonia. *Friedrich Ebert Stiftung FES Publication*. September, Tallinn. P. 13. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/baltikum/20566-20230915.pdf> (accessed 02 October 2023). *Фонд им. Ф. Эберта признан в России нежелательной организацией.

⁶⁹ Яна Тоом ответила на вопросы жителей Эстонии. (2019) *Renew Europe – сайт Яны Тоом*, 27 февраля. Available at: <https://yanatoom.ee/event.php?lang=ru&id=7852> (дата обращения: 04.02.2022).

⁷⁰ Стальнухин М. (2015) Беженцы для Эстонии. *Блог Михаила Стальнухина*, 9 мая. Available at: <https://stalnuhin.ee/?p=6155> (дата обращения: 22.04.2022).

⁷¹ Malts K. (2023) Andmed ei näita, et Eestis oleks kuritegevus kasvanud Ukraina põgenike arvelt. *Eesti Päevaleht*, 24. juuni. Available at: <https://epl.delfi.ee/artikkel/120207632> (accessed 26 August 2023). (In Estonian).

Как и среди этнических эстонцев, среди русскоязычных жителей наблюдается «усталость» от украинских беженцев и украинской проблематики в целом. В последнее время по всей стране участились случаи срывания украинских флагов с общественных учреждений или осквернения этого государственного символа (в 2022 г. подобные случаи происходили, например, в Пылва⁷² и в Таллине⁷³). Прибывавших в Нарву в первые месяцы с начала СВО не встречали представители уполномоченных социальных органов, а в нарвских общежитиях не хватало мест. Беженцы были вынуждены обращаться к первым встречным и ночевать в общественных местах⁷⁴.

В настоящее время украинские беженцы сталкиваются в Нарве и с явной агрессией в свой адрес со стороны местных жителей. Иммигранты утверждают, что многим из них прижиться в этом городе не удастся, так как они «*всегда будут чужие*»⁷⁵. Большинство русскоязычных жителей считают Эстонию своим домом и не планируют переезжать, им нравится эстонский (и в целом западноевропейский) образ жизни, чуждые для них иммигранты и беженцы воспринимаются ими как дестабилизирующий фактор⁷⁶. Весной 2022 г. в Нарве начало расти общественное напряжение в связи с тем, что власти размещали украинских беженцев в преимущественно русскоязычном городе на границе с Россией⁷⁷. В дальнейшем напряжение может только усиливаться потому, что сами украинские беженцы «*злы на русских*»⁷⁸.

Интересно определить отношение эстоноземельцев к приезжим из России после начала СВО, ведь многие из них переезжают в Эстонию не как временные релоканты, а на постоянное место жительства. Так, на заданный в 2023 г. респондентам с исключительно русским языком в семье вопрос «Что Эстония должна сделать с беженцами из России?» целых 49% сообщили, что «Эстония должна принять только определенное количество российских беженцев, но не слишком много», 4% выбрали ответ «Эстония должна постараться принять как можно больше беженцев из России без особой бюрократии»,

⁷² Михайлов С. (2022) Против осквернившего флаг Украины гражданина Эстонии возбудили уголовное дело. *Rus.ERR.ee*. 17 апреля. Available at: <https://rus.err.ee/1608567223> (дата обращения: 20.04.2022).

⁷³ В Эстонии мужчина получил наказание за топтание украинского флага. (2022) *Rus.ERR.ee*, 22 августа. Available at: <https://rus.err.ee/1608691768> (дата обращения: 12.09.2022).

⁷⁴ Ибрус К., Путтинг А. (2022) Украинских беженцев по прибытии в Нарву никто не ждет: приходится искать помощи у прохожих и ночевать на скамейке. *Rus.Delfi.ee*, 20 июня. Available at: <https://rus.delfi.ee/statja/120024064> (дата обращения: 18.08.2022).

⁷⁵ Харламова Д. (2023) «Мы всегда будем чужие»: украинка о жизни в Нарве. *Rus.Postimees.ee*, 17 июня. Available at: <https://rus.postimees.ee/7797624> (дата обращения: 26.06.2023).

⁷⁶ Тидо А. (2023) Исследование. Только половина русскоязычных согласны принимать в Эстонии россиян, а подавляющее большинство нарвлян не хотят поражения России. *Rus.Postimees.ee*, 29 сентября. Available at: <https://rus.postimees.ee/7863800> (дата обращения: 26.10.2023).

⁷⁷ Мэр Нарвы: Некоторые местные русские жители плохо приняли украинских беженцев (2022) *EADaily.com*, 15 марта. Available at: <https://eadaily.com/ru/news/2022/03/15/mer-narvy-nekotorye-mestnye-russkie-zhiteli-ploho-prinyali-ukrainskih-bezhencev> (дата обращения: 03.06.2022).

⁷⁸ Зыбина Е. (2022) Идасский префект: украинские беженцы злы на русских, но способны держать свои чувства при себе. *Rus.ERR.ee*, 13 сентября. Available at: <https://rus.err.ee/1608714046> (дата обращения: 15.09.2022).

38% остановились на опции «Эстония вообще не должна принимать российских беженцев», а 9% затруднились ответить. Для сравнения, на тот же вопрос респонденты с эстонским языком общения в семье ответили так: 61% – «Эстония вообще не должна принимать российских беженцев», 30% – «Эстония должна принять только определенное количество российских беженцев, но не слишком много», 2% – «Эстония должна постараться принять как можно больше беженцев из России без особой бюрократии», а 7% затруднились ответить⁷⁹. Таким образом, русскоязычные жители Эстонии демонстрируют гораздо большую открытость в принятии приезжих из России, чем этнические эстонцы.

Заключение

Возникновение в Европейском союзе масштабных кризисов, наподобие событий 2015–2016 гг., может провоцировать новый виток евроскептических настроений в Эстонии. «Кризис беженцев» повлиял на то, что настрой как простых эстоноземельцев, так и политических элит этой страны претерпел изменения, трансформировавшись по отдельным вопросам в ярко выраженный евроскептицизм. Однако «европейская солидарность» не позволила представителям политической элиты демонстрировать этот скепсис в течение продолжительного времени. В итоге скептический настрой сменился на существовавшую ранее «послушность» по отношению к Брюсселю.

Страх перед наплывом в Эстонию малообразованных иммигрантов-нелегалов из стран Азии и Африки, а также наводнившая эстонское общество резкая антииммигрантская риторика объединили большую часть эстонского общества, включающего две крупнейшие общины страны – эстоноязычную и русскоязычную. Многие их представители разделили мигрантофобную точку зрения и выразили свое неприятие по отношению к возможному прибытию на эстонскую землю иммигрантов с другим менталитетом. В антииммигрантском порыве к евроскептикам неожиданно примкнули и «заядлые еврооптимисты» (некоторые – временно): представители политической элиты, мейнстримные партии и СМИ. Евроскептические партии и движения поощряли вступление в их ряды русскоязычных жителей, заявляя, что теперь у двух крупных этнических и языковых общин Эстонии появился «общий враг». Лишь немногие эстоноземельцы в 2015–2016 гг. позитивно восприняли иммигрантов и, несмотря на остракизм со стороны своих же сограждан, открыто выступили в поддержку приема беженцев. Последовавший после начала СВО миграционный кризис обнажил различия в восприятии украинских беженцев русскоязычными и эстоноязычными жителями страны.

⁷⁹ Krumm R., Stamberg T., Strapatsjuk I. (2023) Feeling cornered. An Analysis of the Russian-Speaking Minority in Estonia. *Friedrich Ebert Stiftung FES Publication*. Tallinn. P. 14. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/baltikum/20566-20230915.pdf> (accessed 02 October 2023). *Фонд им. Ф. Эберта признан в России нежелательной организацией.

Разразившийся Европейский иммиграционный кризис 2015 г. способствовал объединению русскоязычной и эстоноязычной общин Эстонии на антииммигрантской платформе. Начавшаяся же в 2022 г. Специальная военная операция усилила расхождения в мнениях представителей двух общин по отношению именно к украинским беженцам. К сходствам в подходах к беженцам и иммигрантам среди русскоязычных и эстоноязычных жителей относится то, что обе группы оказываются довольно нетерпимыми к беженцам вообще. Этнические эстонцы при этом во многом исходят из своего националистического мировоззрения и «сложной» истории Эстонии, а замкнуто проживающие в некоторых уездах местные русскоязычные жители – из опасения дестабилизации социальной ситуации в стране (боязнь лишиться рабочих мест и пр.). При этом вместе представителей этих двух общин объединяет по этому вопросу распространенный и укорененный среди них евроскептицизм.

Европейский миграционный кризис пробудил и активизировал у жителей Эстонии евроскептические настроения. Тогда он привел к относительно налаживанию сотрудничества и координации усилий представителей двух общин в противостоянии возможному наплыву беженцев. Единство среди эстоноземельцев проявилось и в том, что у двух общин имелось желание организовать в Эстонии национальный референдум на тему участия страны в механизме распределения прибывших в ЕС беженцев. Совпадение взглядов представителей двух общин привело к тому, что они стали пополнять евроскептические политические силы Эстонии. Общее их единогласие в восприятии беженцев основывалось на том, что эстоноземельцы чувствовали угрозу социальной напряженности от возможного прибытия иностранцев, они демонстрировали свое неприятие по отношению к культурно отличающимся азиатским и африканским беженцам.

Эстоноземельцы сходились во мнении, что «кризис беженцев» 2015–2016 гг. во многом был вызван непродуманной внешней политикой Брюсселя. Сплоченность жителей страны демонстрировалась тогда в стремлении разделить беженцев на четкие категории в зависимости от отношения к ним – на «цивилизованных» или «хороших» беженцев и «нецивилизованных» или «плохих» беженцев. Наконец, схожесть взглядов демонстрировалась и тем, что местные самоуправления как с преимущественно русскоязычным, так и с преимущественно эстоноязычным населением Эстонии противились приему беженцев. Таким образом, Европейский миграционный кризис показал множество сходных черт в восприятии представителями двух общин Эстонии угрозы со стороны иммигрантов. На современном этапе важным сходством является постепенный (но равноскоростной) рост «усталости» у двух общин от проблемы украинских беженцев: у русскоязычных жителей Эстонии эта «усталость» накапливается быстрее, чем у этнических эстонцев.

Между этническими и языковыми сообществами Эстонии существуют и различия в их отношении к беженцам и иммигрантам. Так, этнические эстонцы, в отличие от русскоязычных жителей, склонны обвинять Россию в том, что она использовала Европейский миграционный кризис для активизации

евроскептицизма в Эстонии. Все больше заметных различий в восприятии проявилось после начала Россией в 2022 г. СВО и наплыва украинских беженцев в Эстонию. Так, жесткие антироссийские нарративы официального политического дискурса Эстонии и Брюсселя помогли сформировать (и удерживать на данном этапе) в целом позитивное отношение этнических эстонцев к приему украинских беженцев. Имеющие же крепкие контакты с Россией русскоязычные жители Эстонии в большей степени противятся приему украинских беженцев и, в отличие от этнических эстонцев, даже демонстрировали прямую агрессию.

Таким образом, этнические эстонцы, за исключением «жестких» евро-скептиков, выступающих против иммиграции с территории Украины или за существенное ограничение этого процесса, показывают большую степень одобрения приема украинских беженцев. Наконец, если в настоящее время русскоязычные жители Эстонии в целом поддерживают прием переезжающих в страну россиян, то этнические эстонцы в большинстве относятся к приему приезжих из России довольно негативно (но с оговоркой: этнические эстонцы положительно относятся к определенным категориям иммигрантов – бизнесменам, высококвалифицированным IT-специалистам и «политическим эмигрантам»). При возвращении реальной или предполагаемой угрозы потока беженцев из Азии и Африки две общины вновь испытают сближение позиций, наблюдавшееся ранее.

В заключение отметим, что в настоящее время Эстонии присуще отсутствие продуманной иммиграционной стратегии и соответствующей политики в этой области, которая была бы приемлема для всех эстоноземельцев. Например, в 2017 г. эстонские власти в лице вице-канцлера Министерства социальных дел Эстонии Р. Куузе признали ошибочным расселение беженцев из Африки и Азии в малых городах Эстонии; в настоящее время подвергается сомнению правильность направления антироссийски настроенных украинских беженцев в места компактного проживания русскоязычных, например, в Нарву. Существенной проблемой для приема и интеграции приезжих является и наличие в Эстонии многочисленных организаций, занимающихся приемом беженцев, с нечетко прописанными и даже частично дублирующими друг друга сферами деятельности (Witt, Nurk, Lill, 2023: 59). В стране также не составляются прогнозы относительно долгосрочных последствий иммиграции беженцев разного происхождения.

Список литературы

1. Astapova A. (2020) Ferroconcrete cases, sausage migrants, and Santa Barbara: self-reflexive metaphors among Russian-speaking refugees in Estonia. *Journal of Baltic Studies* 51(1): 87-103. DOI: 10.1080/01629778.2019.1623277.
2. Bîrzea C. (1996) *Human Rights and Minorities in the New European Democracies: Educational and Cultural Aspects. Report on the Workshop Held at Lohusalu (Estonia) 20-23 October 1994*. Council of Europe. 143 p.

3. Hallik K. (2002) Nationalizing Policies and Integration Challenges. *The challenge of the Russian minority: Emerging multicultural democracy in Estonia*. M. Lauristin, M. Heidmets (eds.). Tartu: Tartu University Press. 396 p.
4. Jauhainen J., Erbsen H. (2023) Multilevel governance in the temporal protection and integration of Ukrainians within the European Union: the case of Estonia. *Journal of European Integration* 45(3): 413–430. DOI: 10.1080/07036337.2023.2190109.
5. Kasekamp A., Madisson M.-L., Wierenga L. (2018) Discursive Opportunities for the Estonian Populist Radical Right in a Digital Society. *Problems of Post-Communist* 66: 1–12.
6. Kuus M. (2007) *Geopolitics Reframed, Security and Identity in Europe's Eastern Enlargement*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 224 p.
7. Makarychev A., Ploom I. (2019) A Etnopolítica da Crise dos Refugiados: uma Investigação dos Debates Estónios. *Relações Internacionais* 62: 39–56. DOI: 10.23906/ri2019.62a04. (In Portuguese)
8. Makarychev A., Yatsyk A. (2017) Estonia and the refugees: political discourses and artistic representations. *Global Affairs* 3(1): 45–57. DOI: 10.1080/23340460.2017.1316593.
9. Paju I. (2019) *Tõrjutud mälestused*. Tallinn: Gallus. 287 lk. (In Estonian).
10. Peiker P. (2016) Estonian Nationalism through the Postcolonial Lens. *Journal of Baltic Studies* 47(1): 120–123. DOI: 10.1080/01629778.2015.1103516.
11. Petsinis V. (2019) Identity Politics and Right-Wing Populism in Estonia: The Case of EKRE. *Nationalism and Ethnic Politics* 25(2): 211–230. DOI: 10.1080/13537113.2019.1602374.
12. Põlluaas H. (2019) *Sotsid: Interrinde teine tulemine*. Tallinn: Grenader Kirjastus. 432 lk. (In Estonian).
13. Smith D. J. (1998) Russia, Estonia and the Search for a Stable Ethno-Politics. *Journal of Baltic Studies* 29(1): 3–18. DOI: 10.1080/016297797000000191.
14. Tinn E. (2013) *Lääne tsivilisatsioonist ja Euroopa tupikseisust*. Tallinn: Tammerraamat. 392 lk. (In Estonian).
15. Vallaste K. (2004) Euroopa Liiduga liitumise vastane liikumine Eestis. *Riigikogu Toimetised* 9: 123–129. (In Estonian).
16. Veebel V. (2015) Balancing Between Solidarity and Responsibility: Estonia in the EU Refugee Crisis. *Journal of Baltic Security* 1(2): 28–61. DOI: 10.1515/jobs-2016-0020.
17. Veebel V., Ploom I. (2023) Estonian Fears, Hopes and Efforts: The Russian War against Ukraine. *The Winter of Russia's Discontent. Russia's Futures from Within and Without*. S. Šraders, G.S. Terry (eds.). Tartu: University of Tartu Press. Pp. 142–155.
18. Wierenga L. (2017) Russians, Refugees and Europeans: What Shapes the Discourse of the Conservative People's Party of Estonia? *Uptake* 6: 1–20. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/141514828.pdf> (accessed: 10 November 2023).
19. Witt E., Nurk J.L., Lill I. (2023). From Zero to Hero? Changes in the Estonian Context for Refugees. *Rebuilding Communities After Displacement*. Hamza, M., Amaratunga, D., Haigh, R., Malalgoda, C., Jayakody, C., Senanayake, A. (eds.). Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-21414-1_3.
20. Yatsyk A. (2018): A Popular Geopolitics of the Refugee Crisis in Europe: The Re-actualization of Identity-driven Geopolitical Narratives in Estonia. *Geopolitics* 23(4): 803–822. DOI: 10.1080/14650045.2018.1486300.
21. Воротников В.В. (2017) Страны Балтии в условиях Brexit: еврооптимизм vs евроскептицизм. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право* 10(1): 122–140. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-122-140.
22. *Европейский союз на перепутье: нерешенные проблемы и новые вызовы (политические аспекты)* (2016) Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев (ред.). М.: ИМЭМО РАН. 232 с.
23. Ильин В.И. (2016) Нарва как транснациональный остров (интерпретация интерпретатора). *Журнал социологии и социальной антропологии* 19(3): 207–214.
24. Кавешников Н.Ю. (2021) *Европейский союз: история, институты, деятельность*. М.: Аспект Пресс. 368 с.

25. Межевич Н.М. (2020) *Путь Прибалтики: от национализма к авторитаризму, от авторитаризма к глорификации фашизма: научный доклад*. СПб.: ИПЦ СЗИУ. 54 с.
26. Мещеряков Д.Ю. (2019) Понятие популизма в современной англосаксонской и германской политической науке. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология 21(4): 755–764. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-755-764.
27. Симонян Р.Х. (2004) Новый Балтийский субэтнос – «Еврорусские». *Социология власти* 2: 59–76.
28. Райк К. (2014) *Моя Нарва: между двух миров*. Тарту: Petrone Print. 286 с.
29. Тамби С.А. (2023) Модель «мягкого» и «жесткого» евроскептицизма: эстонский кейс. *Современная Европа* 5(119): 211–219. DOI: 10.31857/S0201708323050170.
30. Теребов А.В. (2020) Евроскептицизм во Франции. Угроза Фрексита на фоне пандемии COVID-19. *Мировая политика* 4: 53–64. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.4.34357.
31. Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. (2004) Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры). *Мир России. Социология. Этнология* 13(3): 98–130.
32. Хришкевич Т.Г. (2017) Прибалтика в условиях миграционного кризиса 2014–2016 гг. *Общество: политика, экономика, право* 12: 33–37.

Comparative Politics. Volume 13. No. 4. October–December / 2022
DOI 10.46272/2221-3279-2022-4-13-85-111

ANTI-IMMIGRANT EUROSCEPTIC WORLDVIEW IN ESTONIA: A COMPARISON OF RUSSIAN-SPEAKING AND ESTONIAN-SPEAKING COMMUNITIES

Sergey A. TAMBI – Attaché, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; the applicant for the degree of candidate of political sciences, MGIMO University
ORCID: 0000-0002-5018-6574. E-mail: sergey.tambi@gmail.com
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received November 23, 2023 Accepted December 22, 2023

Abstract: This article analyzes the transformation of the attitude of the Russian-speaking and Estonian-speaking communities of Estonia towards the reception of refugees from the 1990s until the present day. A comparison is made of the attitude towards immigrants of various origins (African, Asian, Ukrainian refugees, entrants from Russia) by ethnic Estonians with the perception of them by local Russian-speaking residents of this Baltic state. The author examines the reasons for the negative and positive perception of Estonians towards immigrants of various origins. It is noted that there is a direct connection between the current perception of immigrants in Estonia and the historical past of this country. The paper describes the sharp increase in Euroscepticism in Estonia after the start of the European migration crisis in 2015, as well as the serious joint opposition of the state's authorities and its residents to the refugee distribution quotas imposed by the European Commission. In addition to the similarities in the approaches of the two largest communities on the issue of refugees, the author also identified a number of significant differences on this topic, which is sensitive for all Estonians. The paper concludes that the refugee crisis and anti-immigrant Eurosceptic worldview have largely united ethnic Russians and Estonians living in Estonia in the

face of a "common threat". It is also justified that the present warm and hospitable attitude of ethnic Estonians towards Ukrainian refugees in the medium term may be replaced by "fatigue" and apathy towards them.

Keywords: Euroscepticism, Estonia, European Union, European integration, Russian-speaking community, Estonian-speaking community, immigration, migrantophobia, refugees, European migration crisis

References:

1. Astapova A. (2020) Ferroconcrete cases, sausage migrants, and Santa Barbara: self-reflexive metaphors among Russian-speaking refugees in Estonia. *Journal of Baltic Studies* 51:1, 87–103. DOI: 10.1080/01629778.2019.1623277.
2. Bîrzea C. (1996) *Human Rights and Minorities in the New European Democracies: Educational and Cultural Aspects. Report on the Workshop Held at Lohusalu (Estonia) 20–23 October 1994*. Council of Europe. 143 p.
3. Hallik K. (2002) Nationalizing Policies and Integration Challenges. *The Challenge of the Russian Minority: Emerging Multicultural Democracy in Estonia*. M. Lauristin, M. Heidmets (eds.). Tartu: Tartu University Press. 396 p.
4. Jauhainen J., Erbsen H. (2023) Multilevel governance in the temporal protection and integration of Ukrainians within the European Union: the case of Estonia. *Journal of European Integration* 45(3): 413–430. DOI: 10.1080/07036337.2023.2190109.
5. Kasekamp A., Madisson M.-L., Wierenga L. (2018) Discursive Opportunities for the Estonian Populist Radical Right in a Digital Society. *Problems of Post-Communist* 66: 1–12.
6. Kuus M. (2007) *Geopolitics Reframed, Security and Identity in Europe's Eastern Enlargement*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 224 p.
7. Makarychev A., Ploom I. (2019) A Etnopolítica da Crise dos Refugiados: uma Investigação dos Debates Estónios. *Relações Internacionais* 62: 39–56. DOI: 10.23906/ri2019.62a04.
8. Makarychev A., Yatsyk A. (2017) Estonia and the refugees: political discourses and artistic representations. *Global Affairs* 3(1): 45–57. DOI: 10.1080/23340460.2017.1316593. (In Portuguese)
9. Paju I. (2019) *Tõrjutud mälestused*. Tallinn: Gallus. 287 lk. (In Estonian).
10. Peiker P. (2016) Estonian Nationalism through the Postcolonial Lens. *Journal of Baltic Studies* 47(1): 120–123. DOI: 10.1080/01629778.2015.1103516.
11. Petsinis V. (2019) Identity Politics and Right-Wing Populism in Estonia: The Case of EKRE. *Nationalism and Ethnic Politics* 25(2): 211–230. DOI: 10.1080/13537113.2019.1602374.
12. Põlluas H. (2019) *Sotsid: Interrinde teine tulemine*. Tallinn: Grenader Kirjastus. 432 lk. (In Estonian).
13. Smith D. J. (1998) Russia, Estonia and the Search for a Stable Ethno-Politics. *Journal of Baltic Studies* 29(1): 3–18. DOI: 10.1080/01629779700000191.
14. Tinn E. (2013) *Lääne tsivilisatsioonist ja Euroopa tupikseisust*. Tallinn: Tammerraamat. 392 lk. (In Estonian).
15. Vallaste K. (2004) Euroopa Liiduga liitumise vastane liikumine Eestis. *Riigikogu Toimetised* 9: 123–129. (In Estonian).
16. Veebel V. (2015) Balancing Between Solidarity and Responsibility: Estonia in the EU Refugee Crisis. *Journal of Baltic Security* 1(2): 28–61. DOI: 10.1515/jobs-2016-0020.
17. Veebel V., Ploom I. (2023) Estonian Fears, Hopes and Efforts: The Russian War against Ukraine. *The Winter of Russia's Discontent. Russia's Futures from Within and Without*. S. Šraders, G.S. Terry (eds.). Tartu: University of Tartu Press. Pp. 142–155.
18. Wierenga L. (2017) Russians, Refugees and Europeans: What Shapes the Discourse of the Conservative People's Party of Estonia? *Uptake* 6: 1–20. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/141514828.pdf> (accessed: 10 November 2023).

19. Witt E., Nurk J.L., Lill I. (2023). From Zero to Hero? Changes in the Estonian Context for Refugees. *Rebuilding Communities After Displacement*. Hamza, M., Amaratunga, D., Haigh, R., Malalgoda, C., Jayakody, C., Senanayake, A. (eds.). Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-21414-1_3.
20. Yatsyk A. (2018): A Popular Geopolitics of the Refugee Crisis in Europe: The Re-actualization of Identity-driven Geopolitical Narratives in Estonia. *Geopolitics* 23(4): 803-822. DOI: 10.1080/14650045.2018.1486300.
21. Vorotnikov V.V. (2017) Strany Baltii v usloviyah Brexit: evrooptimizm vs evroskepticizm [The Baltic States in the Context of Brexit: Euro-Optimism vs Euroscepticism]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law] 10(1): 122-140. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-122-140. (In Russian).
22. *Evropejskij sojuz na pereput'e: nereshennye problemy i novye vyzovy (politicheskie aspekty)* [European Union at a Crossroads: Unresolved Problems and New Challenges (Political Aspects)] (2016) N.K. Arbatova, A.M. Kokeev (eds.). Moscow: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. 232 p. (In Russian).
23. Il'in V.I. (2016) Narva kak transnacional'nyj ostrov (interpretacija interpretatora) [Narva as a Transnational Island (Interpreter's Interpretation)]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology] 19(3): 207-214. (In Russian).
24. Kaveshnikov N.Ju. (2021) *Evropejskij sojuz: istorija, instituty, dejatel'nost'* [European Union: History, Institutions, Activities]. Moscow: Aspekt Press. 368 p. (In Russian).
25. Mezhevich N.M. (2020) *Put' Pribaltiki: ot nacionalizma k avtoritarizmu, ot avtoritarizma k glorifikacii fashizma: nauchnyj doklad* [The Path of the Baltics: from Nationalism to Authoritarianism, from Authoritarianism to the Glorification of Fascism: Scientific Report]. Saint Petersburg: Publishing and Printing Center of the North-West Institute of Management of RANEP. 54 p. (In Russian).
26. Meshherjakov D.Ju. (2019) Ponjatie populizma v sovremennoj anglosaksonskoj i germanskoj politicheskoj nauke [The Concept of Populism in Modern Anglo-Saxon and German Political Science]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science] 21(4): 755-764. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-755-764. (In Russian).
27. Simonjan R.H. (2004) Novyj Baltijskij subjetnos – «Evrusskie» [The New Baltic Sub-Ethnos – "Euro-Russians"]. *Sociologija vlasti* [Sociology of Power] 2: 59-76. (In Russian).
28. Rajk K. (2014) *Moja Narva: mezhdu dvuh mirov* [My Narva: between Two Worlds]. Tartu: Petrone Print: 286. (In Russian).
29. Tambi S.A. (2023) Model' «mjagkogo» i «zhestkogo» evroskepticizma: jestonskij kejs [Model of "Soft" and "Hard" Euroscepticism: Estonian Case]. *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]* 5(119): 211-219. DOI: 10.31857/S0201708323050170. (In Russian).
30. Terebov A.V. (2020) Evroskepticizm vo Francii. Ugroza Freksita na fone pandemii COVID-19 [Euroscepticism in France. The Threat of Frexit amid the COVID-19 Pandemic]. *Mirovaja politika* [World Politics] 4: 53-64. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.4.34357. (In Russian).
31. Furman D.E., Zadorozhnyuk Je.G. (2004) Pritjazhenie Baltii (baltijskie russkie i baltijskie kul'tury) [The Attraction of the Baltic (Baltic Russian and Baltic Cultures)]. *Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija* [World of Russia. Sociology. Ethnology] 13(3): 98-130. (In Russian).
32. Hrishkevich T.G. (2017) Pribaltika v usloviyah migracionnogo krizisa 2014-2016 gg. [The Baltics in the Context of the Migration Crisis of 2014-2016] *Obshchestvo: politika, jekonomika, parvo* [Society: Politics, Economics, Law] 12: 33-37. (In Russian).